ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПУЛЬС

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С 1928 ГОДА

ОРГАН УЧЕНОГО СОВЕТА, РЕКТОРАТА И ПРОФКОМА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. АКАД. И. П. ПАВЛОВА

№ 34 (2211)
ПОНЕДЕЛЬНИК,
30 декабря
1991 года

Цена 3 коп.

НОВОГОДНИЕ УЛЫБКИ

О встрече Нового года

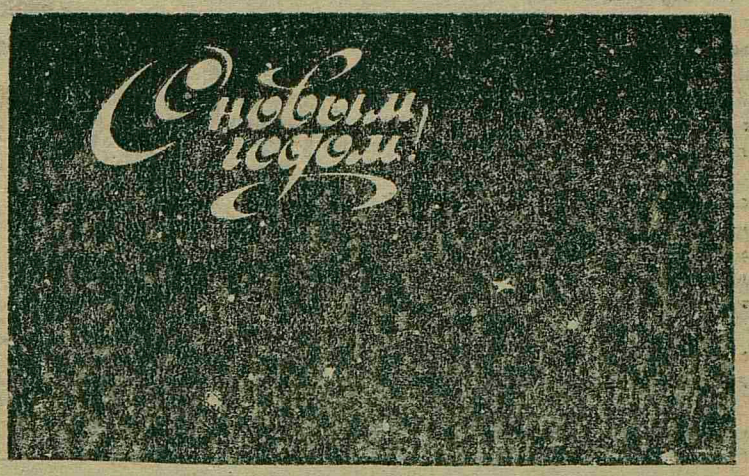
Декабря, 15-го дня 1699 года.
УКАЗ

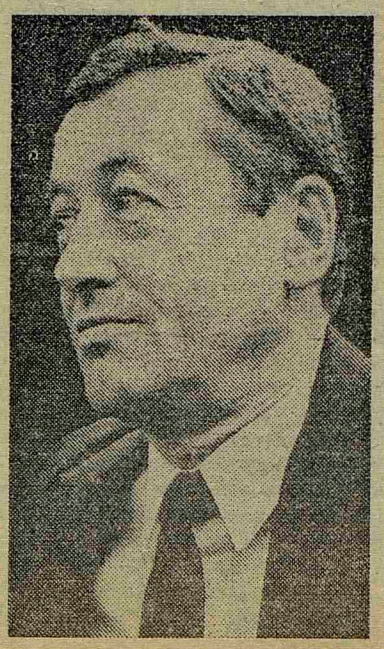
Поелико в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с 1 генваря.

А в знак того доброго начинания и веселия поздравлять друг друга с Новым годом, желать в делах благополучия и в семье благоденствия.

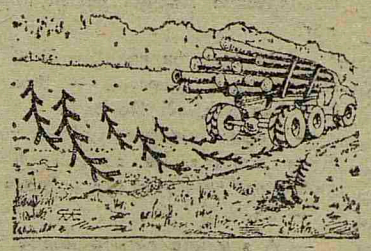
В честь Нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобития не учинять — на то других дней хватает.

ПЕТР ПЕРВЫЙ





Сколько лет Деду Морозу



Дед Мороз! Каждый с детства полюбил сказочную фигуру старика с длинной бородой, в белой шубе, в красной шапке, с палкой в руке. За плечами у него мешок с подарками. Без Деда Мороза не обходится ни один новогодний праздник.

Но не все, вероятно, знают, что Дед Мороз очень стар: ему уже более тысячи лет!

Прообразом его в глубокой древности был языческий бог холодного северного ветра. Народные сказания повествуют, что этот бог каждую зиму прятал в ледяном замке красавицу Солнце и расставался с ней только весной.

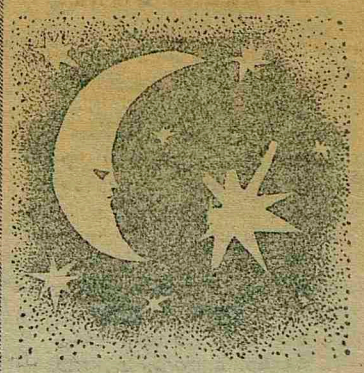
Это было в те времена, когда люди были бессильны перед непонятными для них явлениями природы. Не умея правильно объяснить природные явления, они наделяли их человеческими чертами и поклонялись им, как богам. Именно так и возник бог северного ветра.

Позднее в народных сказках стал уже появляться Мороз-Трескун, или Студенец, сначала в образе богатыря-кузнеца, заковывающего реки льдом, а позднее в знакомом образе Деда Мороза. Но время шло, и постепенно Дед Мороз из области языческой религии, всевозможных верований и суеверий окончательно перекочевал в царство народной сказки.

СЛАВЯНЕ

Солнце встает на краю разоренной эпохи.
Празднует мир Воскресенье и Господа славит.
Налиты чаши Байкала и озера Охрид.
Что ж вы столы не сдвигаете, братья славяне?
Или латиница цепью сковала вам ноги?
Или уже не отцы нам Кирилл и Мефодий?
Мы песняров растеряли на долгой дороге.
Нам не услышать в застолье напевных мелодий.
И не поднимется конница наша из пыли,
Пыли веков, где не знали мы в битвах позора.
Мы на одном из пиров незаметно испили
Чашу запретную, черную чашу Раздора.
Что же в глаза не глядите друг другу, славяне,
Память ли нам, дорогие браты, изменила?
Может быть, все же мы словом достойным вспомянем
Стяги на Шипке и флаги в камнях Измаила.
Это не мы поделили народы на расы.
Славы сыны, мы сегодня, славяне, бесславны.
Все мы в плену, мы в темнице из собственных распрей.
И не стихает столетия плач Ярославны...

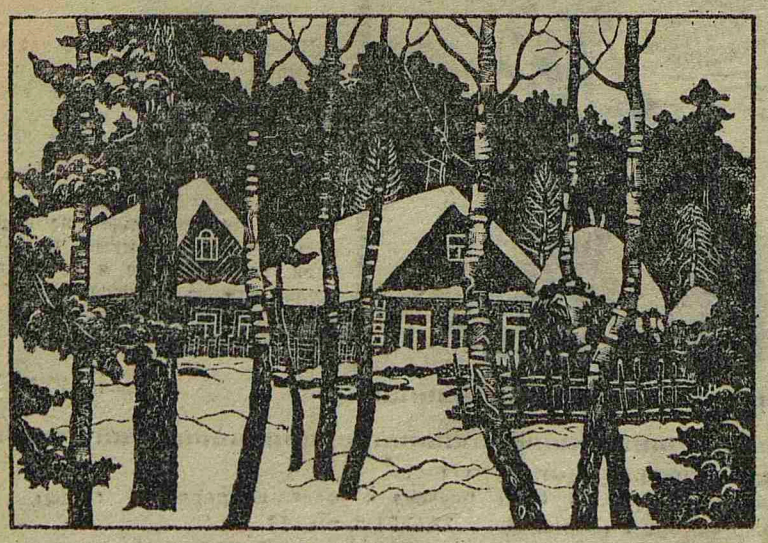
Константин СКВОРЦОВ



РЕКВИЕМ УХОДЯЩЕМУ ГОДУ

В небытие уходит год
В душе оставив
Смуту перестройки.
Неразрешимость вечных тем,
Провалы, взлеты, неустойки
И шаткость
Политических систем.
...Условна смена
Календарных дат,
Но, слава Богу,
Нет пути назад.

Максим А.Л.,
выпускник института.



ЭКСПЕРИМЕНТ

ВЯЧЕСЛАВ Иванович Анютин решил с пьянкой завязать. Он вообще-то уже три раза завязывал, но все как-то развязывалось. Один раз целых полтора дня не пил. Совсем ничего. Кроме водки. Но потом сорвался и опять начал глушить всякую дрянь.

Но в этот раз Анютин решил завязать накрепко. Однажды, выпив для храбрости, приходит к врачу-наркологу, который от этого дела лечит, и без всяких разговоров лезет в кабинет. Врач немного удивился такой активности, но виду не подает, держится душевно.

— Вы, — говорит, — сначала в регистратуре запишитесь, анализы сдайте, а в следующую пятницу как раз и приходите.

Однако сбить Вячеслава Ивановича с панталыку ему не удалось.

— Доктор, да вы что! Это ж сколько ждать! У меня до пятницы все анализы десять раз изменятся, да и посуды пустой в доме не будет. Мне надо, чтоб вы меня сейчас посмотрели!

— Не получится, — отвечает врач. — Рабочий день на исходе, а завтра как-никак праздник...

— Тоже нашли событие. Сколько их в году бывает, — начал было Анютин, но врач тут же перебил:

— Давайте без философий. Я сказал: не смогу принять — и баста.

— Да погодите вы, — не сдавался пациент. — Выслушайте. Я иногда тоже говорю, что, дескать, все — больше принять не могу! А попробую — и ничего, идет. Просто мы своих настоящих возможностей не знаем!

Задумался нарколог. Лоб потер.

— Ладно, — говорит, — убедили. Вижу, что у вас случай неотложный. Присаживайтесь вот на табуреточку, буду вами заниматься...

Обрадовался Вячеслав Иванович, воодушевился.

— Вот за это спасибо, доктор! А то меня жена всего до последнего ребрышка изгрызла, как алжаш воблу. Да и на работе мое хобби не приветствуют. Так что вы меня своим согласием очень выручили и нравственно обогрели. Но я тоже в долгу не останусь, не такой человек. За то, что вам из-за меня после работы пришлось задержаться, за этот благородный поступок, а также, чтоб вы на меня лекарств не жалели и лечили бы на совесть, а не халтурили, я вам сувенир хочу подарить, на память.

С этими словами лезет Анютин в сумку-авоську, шуршит там какими-то бумагами и вытаскивает бутылку «Московской водки».

— Вот это вам, доктор, пейте на здоровье! Мне для хорошего человека ничего не жалко... Но и вы про меня не забудьте. Если надо какие-нибудь там таблетки дефицитные назначить или, скажем, гипноз — уж вы не поскупитесь...

Врач тут несколько оживился, взял бутылку, на этикетку взглянул и в портфель к себе спрятал. А потом уставился на Анютина, прищурился и спрашивает:

— Это что же, взятка?

— Обижаете, доктор, — насупился Вячеслав Иванович. — Какая тут может быть взятка? Это я просто из уважения...

— Хм, уважаете, значит? — довольно заулыбался нарколог.

— Конечно, уважаю, — скупо, по-мужски кивнул Анютин.

— Ну, тогда и я со всей душой, — растрогался врач. — Раз уважаете, я тоже уважу, будьте покойны.

Он подсел к пациенту поближе, руку ему на плечо положил, в глаза поглядел доверительно, а потом вздохнул и спрашивает:

— Слушай, старик, между нами, зачем тебе вся эта бодяга?

— Какая бодяга? — опешил Вячеслав Иванович.

— Да вот эта! Лечение, таблетки, гипноз... Что за вздор! Тьфу!.. Я тебе по секрету скажу, брось и думать! Вот ответь мне — нас тут никто не слышит — много у тебя радостей в жизни?

— Н-нет... — растерянно пробормотал Анютин. — Какие там радости...

— Ну, вот видишь! Так зачем же последней лишаться! Надо быть круглым дураком, себя не уважать... Вот мы сейчас с тобой эту бутылочку раздавим... Погоди только, я дверь запру...

— Так вы что... — вконец опешил Вячеслав Иванович. — Вы это... сами... того, значит... выпиваете?..

— А чего ж не выпивать? — удивился нарколог. — Что я, в положении, что ли? Или за рулем?.. Еще как выпиваю-то!

— А как же вы... как же на эту должность устроились?..

— Да очень просто! Ящик коньяку главврачу поставил...

— Как, и главврач пьет?! — изумленно привстал с табуретки Анютин.

— Пил, — коротко бросил нарколог.

— А сейчас что, бросил? — с надеждой спросил Вячеслав Иванович.

— Да нет. Посадили.

— Посадили?! За что?

— Да так, ерунда! По пьянке учудил. Дефицитные медикаменты пропил.

— Вон чего... — понимающе покачал головой пациент. — Ну, ладно, однако... Я, пожалуй, это... пойду... Лучше я завтра к вашему сменщику зайду...

— Умер, — хмуро отрезал врач.

— Умер! — испугался Анютин. — Кто умер?

— Сменщик умер.

— Ай-яй-яй!.. От чего же это он?

— От белой горячки. В две недели убрался.

— М-да... — подавленно произнес Вячеслав Иванович. — Вот как, значит... И вы... вы после этого пьете?..

— А мне уже все равно, — безнадежно махнул рукой нарколог.

— Зачем так говорить?! — загорячился Анютин. — Как это так: все равно?! Почему?

— Терять нечего. Жена ушла. Дети знаться не хотят... Вчера любимая дочка в суд подала...

— За что?

— А я у нее пальто новое пропил... Эх, пропащий я, одним словом, человек!.. Слушай, да брось ты душу травить! Давай лучше выпьем!

— А может, не стоит? — с тревогой сказал Вячеслав Иванович. — Завязывать вам надо, вот что!

— Да я сам знаю, что надо. Коллеги вот тоже советуют... «Если не бросишь, — говорят, — пить, то жить тебе осталось два месяца. Ну, от силы, три...»

— Да ну?!

— Ага. Цирроз развиваться начал. На теле пятна выступили...

— Так чего ж тут думать?! — вскипел Анютин. — Бросайте немедленно!

— Не могу, — вздохнул врач, — Силы воли не хватает. — Он достал из портфеля «Московскую» и принялся откупоривать бутылку. — Вот мы сейчас выпьем, и сразу полегче станет...

— Дайте сюда! — нервно сказал Вячеслав Иванович. — Ну, кому говорят! — Он выхватил у нарколога уже открытую бутылку, подбежал с ней к окну и, перевернув кверху дном, принялся свирепо ее трясти.

— Ну, вот что, кореш, — опорожнив бутылку, заявил Анютин. — Я теперь сам над тобой шефство возьму. Каждый день к тебе на прием буду приходить и смотреть, чтоб ты в рот не брал! Ни под каким видом! Понял? А то распустил нюни: «Пропащий я, силы воли нету...». Поищешь, так найдешь! И только попробуй у меня хоть каплю выпить.

Он погрозил наркологу большим волосатым кулаком с фиолетовым словом «Клава» на руке и, не торопясь, вышел из кабинета.

А врач, дождавшись, пока за ним закроется дверь, заперся на ключ и, удовлетворительно хмыкнув, достал из стола толстый регистрационный журнал.

— Так-так... — пробормотал он, довольно потирая руки. — Запишем данные эксперимента. Думаю, что теперь и этот пить бросит. А его жена еще уверяла меня, что он ко мне на прием ходить не будет. Нет, братцы мои, многого можно добиться, если к любому делу подходить творчески...

Владимир КАШАЕВ

«ЧИСТАЯ РАБОТА»

Я безобразно «запустил» зубы, и, когда пришел в поликлинику, выяснилось, что кое-что придется выдирать, после чего стазить мосты... Выдрали. Пошел к протезисту. Он мне сразу понравился: спокойный, молчаливый. Буквально не говоря ни слова, снял мерки, написал на бумажке, когда приходить, а на прощание молча по плечу потрепал: дескать, не бойся, все будет в порядке.

— Спасибо, дорогой доктор, — с чувством сказал я ему. — Я в вас верю.

В назначенный срок пришел. Мосты мои готовы. Молодец! Надел он их мне. Так, вроде бы удобно. Нигде не жмет, не давит. Поклацал я металлом, постучал: ничего, жить можно.

— Спасибо, — говорю, — дологой доктол... Минутку. Что такое? Доктол... Я вроде бы «эл» пелестал выговаливать?

Он кивнул, спокойно показал: рот, мол, открой, обратно мосты достанем. Ох, скажу вам, неприятнейшее ощущение, когда их стаскивают!

Снял он мосты, подточил, постучал. Снова надел.

Я попробовал: вроде еще удобнее. Нигде не жмет, ничего не высвывается.

— Спасибо, — говорю, — дорокой доктор... Минутку... Что же вы нателали? «Эр» возвратили, но кте мои другие буквы? Кута вы их потевали?

Покачал он головой, посмотрел на меня сердито. Снова мосты вытащил. Подточил, постучал. Всадил обратно.

Попробовал я: удобно-то удобно. Не жмет-то не жмет.

— Спасибо, — говорю, — дорогой доктор. Дорогой доктор.

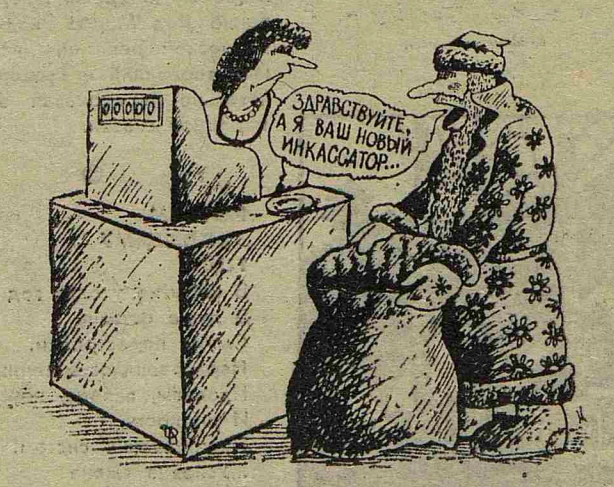
Слава богу, все в порядке. Молодец он все-таки. Чистая работа.

— Спасибо, — говорю, — дорогой доктор. Систая работа. Мосты просто сыкарные!.. Минутку! Сто зе вы натворили?!.. Сто зе... У меня зе теперь вместо «сэ» «сэ», и вместо «сэ» — тозе «сэ». А вместо «зэ» — «зэ»! Зулик вы и халтурьссик!

Тогда он, молчаливый мой, впервые за все время общения открыл рот и говорит:

— Селт знает сто! Подумаесь, сють-сють сыпясие швиштят. Зато у вас осень систое «и» клатское и заплосто плослусивается мягкий снак. Вы сто, диктол? Не диктол? Сего зе вам иссе?

Герман ДРОБИЗ



ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Швыряев был пьян и приставал к прохожим. Одни не хотели мириться с подобным положением и переходили на другую сторону. А другие не желали проходить мимо такого безобразия и поворачивали обратно. Нашелся, правда, один гражданин, который смирился, подошел к хулигану и сказал:

— Прекратите безобразничать.

Швыряев гражданина ударил.

Увидев это, люди молчать не стали, а начали происходящее обсуждать.

Прогнав прохожего, Швыряев приступил к отделению водосточной трубы от дома. Окружающие ему этого не позволили, и Швыряев ломал трубу без их разрешения.

Потом он извлек из кармана бутылку с остатками вина и выпил из горлышка все ее содержимое. Но никто пьяницу не поддержал, он упал и заснул прямо на тротуаре.

Хочу обратить ваше внимание на то, что прохожие не смирились, не прошли мимо, не смолчали, не позволили и не поддержали пьяного хулигана, а поэтому могли теперь спокойно ходить по любой стороне улицы.

Илья БУТМАН

Наш адрес: 197089 ул. Льва Толстого, 6/8. Телефоны: городской — 238-71-13, местный 113.
Учредители: Большой Ученый совет, профком 1-го Ленинградского медицинского института им. И. П. Павлова и коллектив редакции газеты.
Тираж 1500 экз. Адрес учредителей тот же. Время подписания номера в печать: 27.12.91 г. в 19.20.
Заказ № 9250 Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57. Редактор А. Я. ПАПАХОВ